

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема политической стабильности в теоретико-прикладном аспекте, проанализированы социально-политические процессы, характерные для этой стадии, определены возможные сценарии эволюции российской системы власти в контексте изучаемой проблемы.

Ключевые слова: этап стабилизации, политическая стабильность, управляемость, стагнация, преемственность, авторитет власти, институционализация, политический кризис.

Abstract. In article considers theoretical and applied aspects of the political stability problem. The author also analyses social and political processes typical for the current stage and defines possible scenarios for the development of Russian government authority in the context of the problem under scrutiny.

Keywords: stage of stabilization, political stability, ability to be controlled, stagnation, succession, prestige of authority, institutionalization, political crisis.

Политическая стабилизация традиционно представляет собой одну из циклических фаз (или этапов) развития государства, которая объективно задана процессом эволюции государства и общества, поэтому стабильность в таком аспекте не может рассматриваться как самоцель или социально-политическая ценность. Это одно из объективных качественных состояний государства и общества на определенном этапе развития, имеющее свои преимущества и недостатки.

К преимуществам можно отнести то, что это состояние политических связей и отношений, которое дает возможность властям совершать взвешенные и спокойные политические действия, не выходящие за рамки известности, и тем самым не только воспроизводить свои лидирующие позиции, сохраняя должную легитимность, но и повышать управляемость социальными процессами.

К недостаткам можно отнести то, что состояние стабильности при определенных условиях может перерасти в стагнацию, когда динамика политической жизни общества резко замедляется, развитие практически приостанавливается, что порождает острейшие экономические проблемы в управлении страной. В этих условиях власть и общество просто довольствуются своим положением, благоприятной экономической конъюнктурой, которая всегда носит ситуативный и временный характер. Происходит элементарное «проедание» накопленных экономикой ресурсов без принятия стратегических решений в области дальнейшего экономического и политического развития.

Несколько забегаая вперед, можно отметить, что для современной России такой инерционный сценарий наиболее вероятен. Для его реализации

всегда имеется необходимая «почва» – огромный бюрократический аппарат, имеющий тенденцию к разрастанию и самовоспроизводству, эффективно блокирующий неудобные для него «инновации», а также довольно пассивное общество с быстро восстанавливаемыми патерналистскими ожиданиями. Такие стартовые условия зачастую очень удобны для стагнации, однако несовместимы ни с какой модернизацией.

В состоянии стабильности нередко открываются довольно широкие материальные перспективы, но преимущественно для тех социальных групп, которые на предыдущей стадии упрочили свое состояние. На стадии стабилизации с опорой на уже имеющийся материальный задел происходит дальнейшее накопление материальных благ. На этом этапе фиксируются достижения. Используя накопленные ранее государственные резервы и благоприятную экономическую конъюнктуру, государство неизбежно укрепляет свои позиции в экономике.

Эта особенность находит свое подтверждение в современной России. 2007 год запомнился усилением роли государства в промышленности. Российская власть активно объединяла в государственные корпорации предприятия стратегических отраслей. К созданной в 2006 г. «Объединенной авиастроительной корпорации» летом 2007 г. добавилась «Объединенная судостроительная корпорация». Затем количество госкорпораций стало расти еще быстрее: Внешэкономбанк стал Банком развития, под грядущую в 2014 г. Олимпиаду в Сочи была создана корпорация «Олимпстрой», под развитие нанотехнологий – «Роснано» и «Ростехнологии». Кроме того, появились такие госкорпорации, как Фонд содействия ЖКХ, «Росатом». Планируется создать еще две – корпорацию по рыболовству и «Автодор». Цели и задачи у каждой из этих корпораций разные, однако роднит их тот факт, что все они являются некоммерческими организациями, причем каждая создается специальным законом и каждой государство безвозмездно дает либо средства в уставный капитал, либо имущество, при этом они не могут быть подвергнуты банкротству.

Мы полагаем, что создание государственных корпораций – это во многом объективный процесс, соответствующий внутренней логике сегодняшнего этапа стабилизации, однако, по оценкам российских экспертов, «это процесс крайне неоднозначный. С одной стороны, государство известно как наихудший собственник, особенно в условиях отсутствия конкуренции, которая исчезнет после того, как целые отрасли окажутся под управлением государственных корпораций. С другой, некоторые предприятия могут просто исчезнуть или перепрофилироваться без включения их в государственные корпорации, что в конечном итоге приведет к тому, что в России исчезнут единые цепочки производства стратегической продукции» [1]. Эксперты спорят, насколько обоснованно с экономической точки зрения создание такого рода структур, учитывая тот факт, что государственные средства, которые сотнями миллиардов вносятся в уставный капитал государственных корпораций, в реальности расходуются зачастую крайне неэффективно. Имеющие уникальный правовой статус, гигантские финансовые ресурсы и непосредственный доступ к госзаказу, эти институты изначально выведены из поля конкуренции.

Вместе с тем, создавая такие структуры, государство решает для себя двойную задачу: подконтрольным государству структурам на нерыночных условиях передаются гигантские активы, позволяющие чиновникам, с одной

стороны, вполне легально удовлетворять собственные бизнес-интересы, эффективно устраняя экономических конкурентов, а с другой, – используя мощь государственных корпораций, осуществлять внешнеэкономическую экспансию, выступая в качестве инвесторов на мировом рынке.

В целом перечисленное можно считать относительно положительной составляющей этапа стабилизации, поскольку при таком положении вещей рядовые граждане все же имеют возможность широко пользоваться позитивными последствиями государственного порядка. Отрицательной стороной этих процессов является то, что экономика все больше начинает управляться со стороны государства в так называемом «ручном режиме», при этом зачастую игнорируются объективные рыночные законы, которые сигнализируют о недостатках такой стратегии (рост цен и инфляции). В «ручном режиме» сейчас регулируются и инфляционные процессы. Так, учитывая стратегическую важность избирательных циклов 2007–2008 гг., Правительство России пошло на искусственное сдерживание инфляции путем ограничения роста цен на товары первой необходимости. Вместе с тем высокая инфляция – это объективный сигнал, который нельзя долго игнорировать, поэтому необходимы системные мероприятия в этой сфере.

В условиях стабильности государство должно более грамотно и оперативно реагировать на подобные вызовы, поскольку цена ошибки здесь довольно велика. Дело в том, что для этой стадии характерна высокая степень институционализации, неверные решения могут спровоцировать целую серию локальных кризисов внутри системы.

В целом состояние стабильности политической системы способствует укреплению авторитета власти, т.е. авторитет власти растет по мере укрепления стабильности. С такой ситуацией нередко связана проблема персональной легитимности лидера государства, которая в этом случае бывает основана не только на его личных политических заслугах, но и на объективных процессах вступления государства в фазу динамического равновесия. В этих условиях национальному лидеру удастся очень успешно нейтрализовывать своих политических конкурентов, структурировать и унифицировать политическое пространство, систему власти.

Поэтому на стадии стабилизации политической системы в условиях усиления аппарата государства все акции со стороны оппозиции, как это ни парадоксально, неизбежно будут перенаправлены против самой же оппозиции. Можно сказать точнее: чем сильнее оппозиция противостоит системе и критикует ее, тем сильнее эффект от столкновения с ней.

Оппозиция в России не консолидирована ни в структурном, ни в идеологическом плане, не имеет авторитета в российском обществе (у нее для этого слишком мало ресурсов). Бюрократическая система умело блокирует все антисистемные действия оппозиции, используя в этих целях «антиэкстремистское» законодательство, заградительные барьеры и другие многообразные политические средства. В то же время, умело пользуясь широким набором ресурсов и политическими технологиями, бюрократическая система управляет политическими настроениями общества.

В сложившихся условиях не менее важный показатель – устойчивое поддержание отношений власти с оппозицией, но не на основе прямой конфронтации, а на основе прагматичного сотрудничества с ней. Отсюда очень важным является не дистанцирование власти от оппозиции и ее лидеров,

а проведение регулярных встреч с отдельными лидерами оппозиционного лагеря, частичное удовлетворение их требований с целью снижения протестного потенциала.

Таким образом, можно констатировать, что власть стабильна постольку, поскольку обладает возможностью предотвратить доминирование нелегитимных сил. В этом смысле стабильность как способность общества к самозащите способствует сохранению такой организации власти, которая соответствует социальной системе, адекватна настроениям общественности, обеспечивает его интеграцию в процессе социально-экономического развития, делая его более эффективным.

Помимо этого модернизируется и модель взаимоотношений национального лидера и политической элиты. По справедливому мнению В. И. Пантина, это период, когда «из состояния безграничной вольности государственного сословия и серьезного ослабления государственной власти страна и элита возвращаются к повиновению. Но осуществляется это не столько путем прямого насилия, сколько с помощью своего рода пакта, который, предоставляя элите «вольности» в вопросах ее хозяйственного обустройства и гарантируя ей достаток и порядок в стране, вместе с тем возвращает власти монополию на принятие и осуществление всех важных стратегических политических решений. Тем самым потенциал государства концентрируется на решении в первую очередь внешнеполитических задач, обеспечивая при этом исправное функционирование государственной машины в целом» [2].

Меняется и модель взаимоотношения федерального центра и регионов с конфликтной, конфронтационной (когда регионы делятся по идеологическим предпочтениям губернатора и населения) на компромиссную, или, по выражению Д. В. Доленко, модель «прагматичного сотрудничества с федеральным центром, со всеми его институтами и представителями с целью решения социально-экономических проблем региона» [3]. Таким образом, модели политического торга постепенно заменяются более гибкими моделями прагматичного сотрудничества.

Политическая и партийная системы в результате такой деятельности приобретают некий законченный вид и форму – как следствие этих процессов повышается управляемость во многих сферах.

Но тут следует отметить, что, несмотря на высокую степень управляемости процессами, результат социальных реформ не всегда бывает очевиден для общества. Это связано с тем, что социальные системы и механизмы даже при условии адекватного политического выбора – медленно трансформирующаяся материя. На наш взгляд, этому есть свое объяснение. Центральная задача социальной системы – обеспечение гармонизации интересов социальных групп. Интересы многообразны и зачастую разнонаправлены и конфликтны, поэтому сопротивление этой среды всевозможным социальным инновациям чрезвычайно высоко. Для того чтобы обеспечить дальнейшее поступательное развитие социальной системы и социальных механизмов того или иного общества, необходимо, во-первых, сгладить различия и, во-вторых, достигнуть единства миропонимания и мироощущения. Последнее достигается в рамках формирования национальной идеи и адекватного вызовам модернизации «социального контракта». Тем самым социальная система для успешности любых реформ должна быть как минимум готова к их восприятию и пониманию, иначе любые преобразования будут обречены на неудачу.

Таким образом, повышение управляемости процессами на этапе стабилизации нельзя абсолютизировать, поскольку всегда имеют место естественные ограничения, диктуемые степенью сопротивления той или иной среды.

Если политическая система стабильна, то политические акторы, как правило, занимают довольно сдержанную позицию по всему кругу политических вопросов. Определенный баланс наблюдается как во внутренней, так и во внешней политике. Результаты такой взвешенной политической деятельности не всегда бывают заметны сразу, они могут проявиться спустя какое-то время. В социальной политике в такой период результативны взвешенные меры, которые нередко не выходят за рамки повседневности, т.е. планомерное реформирование сфер социальной политики без радикальных нажимов и революционной перестройки, выводящих систему из равновесия. Иными словами, в стабильной системе либо политический процесс не приводит к радикальным переменам, либо – если таковые перемены все-таки наблюдаются – они подчинены стратегии, заранее разработанной правящей элитой. Именно поэтому на стадии стабилизации весьма благоприятна точная настройка, небольшая коррекция начатых ранее социальных и других реформ, в рамках идеологии преемственности государственного курса. Последний показатель, на наш взгляд, очень важен. Неслучайно С. Хантингтон определяет стабильность по формуле «порядок плюс преемственность», предполагая ведущим к указанной цели такой вариант развития, при котором модель организации власти в течение длительного периода времени сохраняет свои сущностные характеристики [4, с. 21].

Реализация реформ на стадии стабилизации также возможна только в рамках преемственности прежнего курса реформ. Свежие идеи на этой стадии нередко тормозят реформы, поэтому эффективное реформирование становится возможным в рамках уже начатых реформ с опорой на имеющиеся ресурсы.

Следуя универсальным системным закономерностям, можно констатировать, что любая система не способна постоянно находиться в состоянии динамического равновесия. Речь идет не об абсолютном постоянстве политической системы, а о постоянстве изменений самой системы. Эти изменения могут носить как конструктивный, так и деструктивный характер.

Конструктивные изменения позволяют системе развиваться дальше эволюционным путем на основе усиления авторитета власти в обществе.

Деструктивные изменения – это всевозможные кризисы, имеющие различную природу и различную степень остроты. Кризисы служат препятствием на пути эволюционного развития государства, нарушают состояние политической стабильности.

Многие авторы определяют нестабильность как неспособность политической системы управлять изменениями или, точнее, справляться с ними. На наш взгляд, это верно, поскольку в ситуации стабилизации политической системы, как правило, возрастает эффективность управления, поэтому нестабильность ведет к полной или частичной потере управляемости элементами системы. Большое значение здесь имеет наличие или отсутствие глубоких «расколов» в обществе, т.е. культурных, идеологических и социально-экономических конфликтов. Так, авторы коллективной работы «Регионоведение: социально-политический аспект» справедливо отмечают, что «политические системы становятся нестабильными из-за глубокого раскола общества –

экономического, этнического, регионального и идеологического, преодолеть который политические институты своими силами не в состоянии. В данном случае конституционный порядок распределения власти не определяет, а отражает такой раскол в обществе. Хотя какие-то институты могут смягчить, а другие усилить нестабильность, в целом институты государства неспособны придать стабильность обществу нестабильному в своей основе» [5].

Таким образом, если стабильность основана на некоем единстве в широком смысле и различных его вариациях (всеобщее осознание статуса самостоятельного государства; преемственность, неизменность формы правления и постепенная, управляемая, организованная, планомерная циркуляция элит; высокий уровень «поддержки», оказываемой системе правления и тем, кто в данный момент находится у власти и пр.), то кризис всегда несет в себе природу разделения, раскола, размежевания, расслоения в различных вариациях (культурные и политические расколы в обществе; невнимание к нуждам граждан со стороны государства; острая конкуренция партий, придерживающихся противоположных идеологических позиций; предложение обществу непривычных идей и форм организации повседневной жизни).

В противоположность стабильности нестабильность чаще всего сопровождается процессами качественного реформирования, принципиальных преобразований в обществе и власти. Приобретение системой нового качественного состояния, как правило, связано с наличием того или иного кризиса в системе. С помощью кризиса разрушается прежний баланс, равновесие системы с целью создания качественно нового баланса. Можно сказать, что кризис – это способ разрушения старого состояния с целью установления нового. Поэтому вместе с кризисом, как правило, появляется широкий спектр возможностей дальнейшего развития. Он может привести к реальной демократии или к периоду хаоса и анархии.

Этимологически термин «кризис» пришел из древнегреческого языка, первоначально означая поворотный, переломный пункт, ключевое решение или резкий исход событий. Все эти характеристики кризиса, на наш взгляд, очень точно определяют его природу. Кризис имеет общие корни со стабильностью: это «стабильность наоборот». Если стабильность дает возможность властям совершать взвешенные и спокойные политические действия, не выходящие за рамки известности, то кризис разрушает стабильность и сложившийся баланс какими-либо радикальными (резкими) способами. Поэтому стабильный политический режим способен до определенного момента эффективно реагировать на перемены, которые приносит жизнь, особенно на потенциально наиболее угрожающие или нежелательные, имеющие кризисную природу.

Известный французский политолог М. Доган отмечает, что кризисы присутствуют в коллективной памяти любой нации, поскольку новые политические институты и режимы в основном возникают именно в кризисные периоды. «Нет ни одной нации, которая бы не знала коротких или относительно длительных кризисов: военных поражений и переворотов, революционных преобразований, заговоров, переворотов, террора, экономических депрессий, голода, гражданских войн и т.п.» [6].

В. И. Ленин разработал учение об «общенациональном кризисе». Центральным положением учения было утверждение о том, что при кризисе

«верхи» не могут управлять по-старому, а «низы» полны желанием изменить порядок государственного управления.

Политический кризис можно в первом приближении определить как ослабление или потерю динамического равновесия между социальными акторами, сопровождающуюся снижением уровня или даже утратой управляемости страной со стороны государственных институтов [4, с. 18].

В специальной политологической литературе выделяют самые разные типы политических кризисов, например кризисы идентичности, легитимности, проникновения, распределения и участия. Все перечисленные кризисные формы связаны с теми или иными асимметричными изменениями внутри порядка властного общения. Это обусловлено, прежде всего, сдвигами в социальных позициях и потенциалах основных агентов властных отношений – управляющих и управляемых. Во-первых, возможны смена национальных приоритетов, кризис и пересмотр базовых ценностей, смена ориентации в государственной политике. Во-вторых, существует кризис легитимности, который связан с утратой доверия и поддержки органов государственного управления со стороны народа. В-третьих, выделяется кризис проникновения, обусловленный неэффективностью политических институтов в осуществлении своих функций на определенном социальном пространстве. Во многом этот кризис обусловлен застойными явлениями в механизмах элитной ротации, когда возникает острый дефицит кадров с новыми подходами и решениями. Стремление власти провести ротацию кадров в направлении еще большей управляемости, предсказуемости действий назначенцев, их абсолютной лояльности к национальному лидеру фактически сводит на нет идейно-творческий потенциал властной элиты. Это, в свою очередь, порождает глубокий застой в самой элите и негативно сказывается на деятельности политических институтов. Безоговорочно подавляя инакомыслие, власть лишает систему способности критической самооценки и самообновления. В-четвертых, возможен кризис в распределении коллективных ресурсов, связанный с их дефицитом и несправедливым разделом в обществе (напрямую связан с неэффективной и несправедливой распределительной политикой). И наконец, существует кризис участия, возникающий, по выражению С. Хантингтона, от несоответствия «сильного» общества и «слабых» институтов, не способных адаптировать повышенную активность людей, регулировать растущий уровень их мобилизации.

Итак, равновесие и устойчивость, единство в широком смысле и различных его вариациях, с одной стороны, и кризисная утрата равновесия сил между основными акторами, ведущая к разделению, расколу, размежеванию, расслоению, неустойчивости институтов, с другой, составляют два потенциальных «полюса», которые и образуют «энергетику» политического процесса, векторы его потенциальных изменений.

Американский ученый Д. Сандерс пришел к выводу, что нестабильность прямо пропорциональна действию таких факторов, как рост урбанизации и перенаселения; индустриальное развитие, которое разрушает естественные социальные связи; ослабление механизмов социально-политического контроля; торговая и финансовая зависимость страны от внешних источников. В то же время она обратно пропорциональна уровню легитимности режима; развитости политических институтов; повышению социально-экономической мобильности, темпам экономического развития; совершенст-

вованию сети политических коммуникаций; консенсусу внутри элиты и прочим аналогичным факторам [7].

В рамках обсуждаемой проблематики важно ответить на вопрос, существуют ли в политической системе современной России какие-либо тенденции и признаки нарушения сложившейся стабильности.

Такие тенденции, на наш взгляд, есть. Это, прежде всего, стремление к еще большей унификации жизни российского общества. Проявления этой тенденции могут быть чрезвычайно многообразны (технологическая, политическая, информационная унификация; монополизация во всех сферах; замедление технологического обновления производства; дальнейшее выпадение населения из политической жизни; ограничение политической, экономической и иной свободы; регламентация всех сфер жизни; державная мощь и противопоставление себя окружающему миру, поиск нового «врага»; подчинение экономических агентов бюрократической системе; расширение возможностей управления экономикой со стороны государства в так называемом «ручном режиме», без учета рыночных закономерностей и пр.).

Результирующий фактор всех этих процессов, связанных с усилением унификации жизни общества, – доведение до абсурда вертикали власти. Когда власть в отношении общества руководствуется только стратегией управления, основанной на односторонней связи с социумом, тогда она неизбежно отдаляется от народа, поскольку пытается регулировать процессы преимущественно директивным путем. Со временем директив становится все больше. Складывается ситуация, когда в государстве существуют многочисленные правила, нормы, регламенты, которые не имеют прямой связи с народом, т.е. не отвечают его жизненным нуждам. В результате, по справедливому замечанию Д. Е. Фурмана, «система становится все более ригидной, утрачивает связи с обществом, а общество развивается и ему становятся тесны рамки системы. Возникают «ножницы» между все большей формальной, внешней управляемостью общества и реальной потерей контроля над ним в результате исчезновения «обратных связей» [8]. Значительное количество законов и реформ уходит «в себя», и наступает кризис определенного типа. Так, например, в СССР политическая стабильность, основанная на вере и страхе, разрушилась, когда распространилось сомнение в святости существующего порядка и справедливости господствующей идеологии. Власть, ослабленная проникновением «ереси» в собственные ряды, утрачивала политическую волю и превращалась в колосса на глиняных ногах.

Д. Е. Фурман отмечает, что «именно сейчас российская политическая система, достигнув максимальной стабильности и зрелости, вступает в период своего упадка. В естественном и закономерном стремлении ко все большей управляемости российская власть уже переходит ту черту, за которой формальная управляемость превращается в полную неуправляемость реальными процессами и ведет к делегитимизации власти... Власть и общество начинают жить в разных и «расходящихся» мирах. Фактически повторяется то, что было при советской власти, когда формальная управляемость была стопроцентной и именно это и привело систему к гибели» [8]. Все это свидетельствует о наличии объективных возможностей дестабилизации системы.

Следующий вопрос, который нам представляется актуальным: можно ли на данном этапе предотвратить деградацию системы по приведенному выше сценарию? Хотя отечественные исследователи уже сейчас признают,

что российская политическая система развивается по своей внутренней логике, которую не в силах изменить никакие внешние воздействия, нам представляется, что это возможно, если на данном этапе несколько скорректировать вектор политических преобразований в направлении усиления разнообразия стратегий, противоположных управленческим. В целом эти стратегии должны быть ориентированы на восстановление действенной двусторонней «обратной» связи властных структур с населением, чтобы система имела возможности получать адекватные сигналы «снизу».

Главная проблема современной политической системы, по мнению Н. Петрова, состоит в том, что «политический режим с завидным упорством блокирует каналы связи в виде, например, выборов, одновременно пытаясь построить альтернативные системы сбора информации – общественные приемные, отделы по работе с обращениями граждан. Он последовательно опускает политическую сцену и загоняет все политические конфликты из публичного пространства вглубь. Устраняя мелкие для него неудобства в виде некоторой неопределенности, связанной с выборами, публичной критикой в СМИ и другим, он лишает себя как информации, так и квалифицированной экспертизы» [8].

Таким образом, режим, устраняя тактические неудобства, ограничивающие сферу деятельности бюрократической системы, фактически жертвует собственными стратегическими интересами. В результате подрывается основа его легитимности, перекрываются конвенциональные формы политического участия (в виде губернаторских выборов, протестного голосования за кандидата «против всех», референдума и др.), система не оставляет гражданам иного способа демонстрации своего недовольства, кроме как путем использования неконвенциональных форм.

Таким образом, политическую стабильность нельзя рассматривать в качестве постоянного и неизменного политического идеала. Следуя идее поступательного циклического развития государства, стадию стабилизации можно рассматривать в качестве одного из закономерных этапов в развитии любой системы, в том числе политической. Однако преимущества этой стадии можно использовать как во благо, проведя на следующем этапе менее кризисную реформистскую замену «устаревших» лидеров «новыми», так и с нарушением – путем доведения до абсурда существующей вертикали власти. Тогда на одной из стадий будет необходима все та же замена «устаревших» лидеров «новыми», но политическое развитие примет более кризисный, возможно, революционный характер. Чтобы этого не произошло, уже сейчас необходимо скорректировать вектор преобразований в сторону разработки и применения стратегий, противоположных управленческим.

Список литературы

1. Торжество госкапитализма // Независимая газета. – 2007. – 28 декабря.
2. **Пантин, В. И.** Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – Дубна, 2006. – С. 382.
3. **Доленко, Д. В.** Мордовия в процессе эволюционирования федерализма в первой половине 90-х годов / Д. В. Доленко, Ж. Д. Кониченко // ВАГАНТ 1 : сборник работ научного общества ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева / под ред. Н. М. Арсентьева. – Саранск, 2001. – С. 42.

4. **Бабошин, К. И.** Социально-политическая стабильность в современной России / К. И. Бабошин. – Саратов, 2005.
 5. Регионоведение: социально-политический аспект : учебное пособие. – Нижний Новгород, 2000. – С. 67.
 6. Французские мыслители современности : учебное пособие / под ред. В. С. Нерсисянца. – М., 1998. – С. 231.
 7. **Sanders, D.** Patterns of Political Instability / D. Sanders. – N.Y., 1981. – P. 16–17.
 8. **Фурман, Д.** Политическая система России после путинских реформ [Электронный ресурс] / Д. Фурман, Н. Петров. – Режим доступа: // <http://www.polit.ru>
-

Логинов Александр Валерьевич

кандидат политических наук, доцент,
кафедра регионоведения и политологии,
Историко-социологический институт,
Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарёва

Loginov Alexander Valeryevich

Candidate of political sciences, associate
professor, Institute of history and sociology,
sub-department of region history
and political sciences,
Mordovia State University
named after N. P. Ogarev

УДК 321.01/.02

Логинов, А. В.

Политическая стабильность и перспективы эволюции российской системы власти / А. В. Логинов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 59–68.